УДК 327.8:620.9(575.1)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Курбанкличев Тимур Маратович
самостоятельный соискатель

Аннотация: Представленное исследование сфокусировано на макросистемном анализе трансформации архитектуры национальной энергетической безопасности Республики Узбекистан в условиях деградации глобального рынка углеводородов. Катализатор в виде открытой эскалации геополитического конфликта (2022 г.) детерминировал демонтаж парадигмы свободной торговли и инициировал процесс вепонизации транзитной инфраструктуры. Эмпирически зафиксировано наложение внешнего макроэкономического давления на эндогенный феномен «энергетической инверсии» — форсированную утрату национальной экономикой статуса макрорегионального нетто-экспортера. Доказывается, что вынужденное покрытие внутреннего ресурсного вакуума посредством масштабного импорта природного газа из Российской Федерации генерирует риск транзитной монозависимости. Глубокому аудиту подвергнута механика трансляции экстерриториальных угроз на финансовую систему через директивы OFAC США (кейс блокировки АО «Газпромбанк»). В качестве превентивного инструментария разработана доктрина проактивной резистентности. Обоснована императивность учреждения институтов суверенного антисанкционного комплаенса, нормативной фиксации стратегического резерва в подземных хранилищах (на 90–120 суток) и имплементации концепции «технологического расщепления» при проектировании объектов базовой генерации.

Ключевые слова: энергетическая геополитика, энергетическая инверсия, вепонизация инфраструктуры, вторичные санкции, транзитная монозависимость, институциональный комплаенс, суверенный резерв, технологическое замыкание.

ENERGY RESOURCES AS A GEOPOLITICAL INSTRUMENT: NEW CHALLENGES FOR THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. This study provides a macrosystemic analysis of the transformation of Uzbekistan's national energy security architecture amid the degradation of the global hydrocarbon market. The open escalation of the geopolitical conflict in 2022 acted as a catalyst, dismantling the free trade paradigm and initiating the weaponization of transit infrastructure. The research empirically documents the convergence of external macroeconomic pressure with the endogenous phenomenon of "energy inversion"—the national economy's accelerated loss of its status as a macro-regional net exporter. It is argued that the necessity of covering the domestic resource deficit through large-scale natural gas imports from the Russian Federation creates the risk of transit mono-dependence. The mechanics of transmitting extraterritorial threats to the financial system via US OFAC directives are subjected to a deep audit, using the case of Gazprombank JSC's blocking. As a preventive measure, a doctrine of proactive resilience is proposed. The study substantiates the imperative to establish sovereign anti-sanctions compliance institutions, to legally mandate a strategic reserve in underground storage facilities (sufficient for 90–120 days), and to implement the "technological splitting" concept in the design of baseload generation facilities.

Keywords: energy geopolitics, energy inversion, weaponization of infrastructure, secondary sanctions, transit mono-dependency, institutional compliance, sovereign reserve, technological self-sufficiency.

Введение

Эволюция системы международных отношений на современном этапе характеризуется тотальным сломом постбиполярного институционального консенсуса, регламентировавшего глобальные правила обращения углеводородов. Парадигма, постулировавшая плотную трансграничную экономическую взаимозависимость в качестве надежного амортизатора межгосударственных конфликтов, продемонстрировала методологическую несостоятельность. Глобальный макроэкономический шок, триггером которого выступил переход конфликта в Восточной Европе в фазу полномасштабной военной эскалации в 2022 году, ознаменовал начало эпохи инструментализации логистических связей. Магистральные трубопроводные сети, клиринговые узлы и объекты базовой генерации утратили статус элементов сугубо коммерческого обмена. В рамках концепта «вепонизации взаимозависимости» ведущие геополитические акторы монетизируют асимметрию экспортно-импортных операций в жесткие механизмы политического принуждения [1, с. 415].

Для развивающихся экономик, классифицируемых категорией LLDC (государства, не имеющие выхода к морю), последствия указанного сдвига носят глубоко дестабилизирующий характер. Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) Республики Узбекистан подвергся перекрестному давлению в наиболее уязвимый период собственной структурной трансформации, сопряженной с реализацией целей Стратегии «Узбекистан–2030» [6]. Эндогенное истощение геологических запасов спровоцировало развитие феномена «энергетической инверсии» — форсированного транзита государства от роли регионального донора к позиции критически зависимого нетто-импортера базовых ресурсов.

Синхронно с внутренним кризисом генерации произошла радикальная геостратегическая переоценка евразийского пространства со стороны Российской Федерации. Утрата премиального европейского рынка сбыта вынудила подсанкционную макроэкономику осуществить агрессивный экспортный разворот на Восток [7]. Пространство Центральной Азии подверглось переквалификации: из транзитной периферии макрорегион трансформировался в жизненно важный «захваченный рынок» (captured market). Совпадение данных разнонаправленных векторов — острой потребности Ташкента в энергоносителях и необходимости Москвы оперативно перераспределить высвободившиеся объемы — сформировало сложнейшую матрицу вызовов. Сохранение реактивной модели отраслевого управления перед лицом прогрессирующей угрозы вторичных экстерриториальных санкций и инфраструктурного диктата генерирует экзистенциальные риски для государственного суверенитета. Выработка научно обоснованной архитектуры геоэкономического балансирования составляет фундаментальную задачу настоящего исследования.

Методология

Теоретико-методологический контур исследования выстроен на синтезе парадигмы структурного неореализма К. Уолтца и теории комплексной взаимозависимости [2, с. 54]. Указанный подход постулирует абсолютный примат государственного выживания и обеспечения физической безопасности над критериями краткосрочной рентабельности в условиях деградации международных институтов. Национальная энергосистема анализируется в качестве открытой социотехнической макроструктуры, характеризующейся низким уровнем изначальной резистентности к экзогенным политическим шокам.

Базовым исследовательским инструментарием выступает системный геоэкономический анализ. Верификация динамики эскалации невоенных угроз осуществлена посредством ретроспективного аудита нормативных актов Управления по контролю за иностранными активами (OFAC) Министерства финансов США. Оценка институциональных уязвимостей инфраструктурных узлов реализована через структурно-функциональный анализ. Интеграция метода сценарного моделирования позволила выявить предельные траектории функционирования энергетического сектора, учитывая концепцию региона как единого комплекса безопасности [3, с. 128]. Эмпирическая база сформирована на основе массивов данных Агентства статистики при Президенте РУз и отчетов профильных аналитических агентств.

Результаты исследования

Структурный аудит отечественного энергобаланса фиксирует критический уровень дивергенции между экспоненциальным ростом индустриально-демографического спроса и стагнацией ресурсной базы. Макроэкономика республики исторически функционирует в условиях предельной энергоемкости, превышающей медианные метрики региона Европы и Центральной Азии в 2,6 раза. Доминантным элементом генерации выступает природный газ. При совокупной установленной электрической мощности в 21 184 МВт (по состоянию на конец 2024 года), ядро системы формируют тепловые электростанции, обеспечивающие 75,6% (16 018 МВт) суммарной выработки [4]. Их операционная эффективность линейно зависит от параметров давления в газотранспортных магистралях.

Уязвимость социотехнической инфраструктуры многократно мультиплицировалась обвалом суверенной добычи. Количественная метрика феномена «энергетической инверсии» отражает падение объемов извлекаемого сырья с 61,6 млрд куб. м в 2018 году до 42,3 млрд куб. м по итогам 2025 года. Столкновение ресурсного дефицита с пиковыми зимними нагрузками поставило национальную электросеть на грань каскадных блэкаутов, обусловив официальный транзит государства в категорию импортозависимых субъектов.

Образовавшийся физический вакуум был оперативно заполнен экспансией ПАО «Газпром». Столкнувшись с профицитом в 150 млрд куб. м после изоляции от рынка ЕС и стагнацией коммерческих переговоров с КНР по мегапроекту «Сила Сибири – 2», российская сторона инициировала формирование неформального «Тройственного газового союза». Экстренная инженерная адаптация магистрали «Средняя Азия – Центр» (САЦ) обеспечила запуск реверсных потоков. Динамика зависимости приобрела крутой восходящий тренд: импорт возрос с 1,28 млрд куб. м в 2023 году до 5,64 млрд в 2024 году, достигнув 7,7 млрд куб. м в 2025 году. Финансовое бремя обеспечения энергобаланса за счет поставок из РФ и Туркменистана превысило 1,659 млрд долл. США. Прогнозные модели профильных институтов указывают на потенциал расширения транзита до 11–12 млрд куб. м к 2038 году.

Институционализация подобной архитектуры поставок кристаллизует жесткий инфраструктурный диктат. Возникает геоэкономическая аномалия: Ташкент, испытывая острый дефицит, вынужден продолжать экспорт части ресурса на восток для обслуживания суверенных долгов. Монозависимость от единого контрагента радикально редуцирует пространство для дипломатического маневра, формируя классический удушающий захват.

Купирование тактического кризиса ценой асимметричной зависимости индуцирует экзистенциальную угрозу трансляции экстерриториальных санкций на финансовый контур Узбекистана. Коалиция западных государств переформатировала санкционную доктрину, сместив акцент с физических блокировок на тотальное финансовое сдерживание. Расширенная трактовка Исполнительных указов (E.O. 14024 и 14114) директивно интегрировала энергетический комплекс РФ в структуру военно-промышленной базы [5].

Рубиконом, разрушившим евразийский клиринговый ландшафт, стало внесение в ноябре 2024 года АО «Газпромбанк» в блокирующие списки OFAC. Указанный финансовый институт выполнял функцию центрального оператора расчетов за углеводороды и соинвестора стратегических проектов внутри РУз. Принуждение локальных банков к поиску скрытых клиринговых схем для обслуживания импорта ставит их под действие «правила 50%», генерируя риск автоматического отключения от глобальной долларовой инфраструктуры.

Санкционная токсичность усиливается фактором эндогенной корпоративной непрозрачности. Репрезентативным маркером выступает программа реконструкции подземного хранилища газа (ПХГ) «Газли» стоимостью 850 млн долл. Мажоритарная структура собственности управляющего СП изначально контролировалась российской компанией «Форус», аффилированной с фигурантом списков SDN Г. Тимченко. Вынужденная реструктуризация в начале 2024 года, сопровождавшаяся передачей 60% доли гонконгской юрисдикции (Daxon

Holdings Limited, бенефициар Б. Фозилов), не элиминирует регуляторные угрозы. Объект, определяющий прохождение зимних пиков макроэкономикой, продолжает функционировать в зоне оффшорных интересов, блокируя возможности транспарентного государственного аудита.

Параллельный вектор угроз концептуализируется как эффект технологического замыкания (lock-in). Диверсификация базовой генерации привела к контрактации атомных мощностей с ГК «Росатом» (май 2024 г. — АСММ РИТМ-200Н на 330 МВт; сентябрь 2025 г. — блоки ВВЭР-1000). В условиях изоляции РФ проект формирует «двойную ядерную зависимость», институционально привязывая энергосистему к санкционно-уязвимому конструкторскому ядру на горизонт в 60–80 лет. Процесс дерусификации ядерного рынка уже спровоцировал дефицит западных компонентов (АСУ ТП) и перенос сроков заливки «первого бетона» на декабрь 2026 года.

Выводы

Синтез представленных эмпирических индикаторов доказывает концептуальную исчерпанность реактивных моделей государственного управления ТЭК. Пассивная абсорбция российской энергетической экспансии обеспечивает тактическое выживание, однако стратегически конвертируется в эрозию макроэкономического суверенитета. В эпоху вепонизации ресурсов безопасность не гарантируется рыночной конъюнктурой; она жестко конструируется посредством инженерно-правовых барьеров. Дезавуирование транзитного диктата диктует необходимость имплементации доктрины проактивной системной резистентности.

Во-первых, фундаментом суверенитета выступает институционализация непроницаемого антисанкционного комплаенса. Обосновывается целесообразность учреждения специализированного Межведомственного комитета по стратегическому геоэкономическому комплаенсу при Кабинете Министров РУз. Мандат органа должен предусматривать обязательный превентивный глубокий аудит (due diligence) бенефициарного владения всех нерезидентов, допускаемых к критической инфраструктуре. В межправительственные контракты надлежит императивно инкорпорировать «санкционные оговорки», легитимизирующие право Ташкента на одностороннюю заморозку транзакций без наступления дефолта при угрозе вторичных санкций. Импорт углеводородов по магистрали САЦ следует переквалифицировать в статус тактического переходного буфера.

Во-вторых, преодоление политического шантажа требует суверенного физического резервирования. Государственному аппарату необходимо инициировать процедуры правовой деофшоризации объектов масштаба ПХГ «Газли». На уровне закона следует регламентировать нормативы «Суверенного стратегического резерва углеводородов». Закупка газа по летним ценовым минимумам должна быть переориентирована на целевую закачку в хранилища. Аккумулирование буфера, математически гарантирующего от 90 до 120 дней непрерывного автономного функционирования экономики, полностью нейтрализует потенциал инфраструктурного диктата.

В-третьих, деконструкция ядерной монополии требует применения тактики «технологического расщепления» (multi-vendor approach). Возведение АЭС по архаичной модели генерального подряда «под ключ» силами изолированной корпорации несет фатальные риски. Целесообразно диверсифицировать архитектуру объекта, выделив оснащение «неядерного острова» (высоковольтные распределительные устройства, турбинные установки) в независимые тендеры для консорциумов из стран, свободных от санкционного давления (Южная Корея, Франция, Япония).

В-четвертых, эшелонированная декарбонизация выступает безальтернативным ответом на углеводородную уязвимость. Директивное повышение доли ВИЭ до 40% (25 ГВт) к 2030 году обеспечивается масштабной абсорбцией капитала государств Ближнего Востока (ACWA Power, Masdar). Для предотвращения дестабилизации электросетей прерывистой генерацией, законодательство о ГЧП обязано включить императивную норму: независимые производители

энергии при вводе мощностей от 50 МВт обязаны синхронно инвестировать в промышленные аккумуляторные системы (BESS) емкостью не менее 15–20%.

Завершающим контуром эмансипации выступает макрорегиональная кластеризация. Преодоление географической замкнутости LLDC требует трансформации локальных протоколов в Центральноазиатский водно-энергетический консорциум, оперирующий сезонными смарт-свопами. Высшим дипломатическим приоритетом становится акселерация Транскаспийского зеленого энергетического коридора. Инженерная прокладка глубоководного HVDC-кабеля по дну Каспийского моря, согласованная на саммите COP-29, позволит конвертировать климатический потенциал Республики Узбекистан в экспортный суверенный актив на рынках ЕС, окончательно деконструировав транзитную геополитическую монополию.

Список использованной литературы

1. Ергин, Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / Д. Ергин. – Москва : Интеллектуальная Литература, 2021. – 444 с.
2. Уолтц, К. Н. Теория международной политики / К. Н. Уолтц ; пер. с англ. – Москва : МГИМО-Университет, 2021. – 400 с.
3. Бобокулов, И. И. Центральная Азия как комплекс безопасности: теория и практика / И. И. Бобокулов // Центральная Азия и Кавказ. – 2012. – Т. 15, № 3. – С. 126–136.
4. Сводный баланс [Электронный ресурс] // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан (Stat.uz). – URL: https://stat.uz/img/ochiq_malumotlar/balans-1_1-2024-predvaritelnyj_p26401.xlsx (дата обращения: 16.03.2026).
5. Russian Harmful Foreign Activities Sanctions [Электронный ресурс] // Office of Foreign Assets Control (OFAC). – URL: https://ofac.treasury.gov/faqs/topic/6626 (дата обращения: 16.03.2026).
6. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии "Узбекистан – 2030"» от 11.09.2023 г. № УП-158 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (Lex.uz). – URL: https://lex.uz/docs/6600404 (дата обращения: 16.03.2026).
7. Executive summary – World Energy Outlook 2025 [Электронный ресурс] // IEA. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025/executive-summary (дата обращения: 16.03.2026).